

УДК 316.485.6

КУЗЬМИН Георгий Сергеевич –

магистр конфликтологии, аспирант кафедры конфликтологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета

199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5.

greycodemail@gmail.com

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

SOCIAL CONTRACT AS A BASIC POLITICAL MECHANISM OF PEACEFUL SETTLEMENT OF CONFLICTS

Ядром политического поля является система принятия решений, общезначимых и обязательных для всех. Одновременно процесс принятия политических решений связан с непрерывным регулированием конфликтов между социальными акторами. Фундаментальным политическим механизмом регулирования конфликтов является общественный договор. Именно он устанавливает принципы и процедуры согласования интересов индивидов и групп и принятия наиболее важных решений. Общественный договор, как он понимается социальными акторами, демонстрирует отношение к конфликту и методам предотвращения наиболее негативных его последствий. Потому феномен общественного договора представляет особый интерес в качестве предмета конфликтологического исследования.

Ключевые слова: социальное действие, общественный договор, регулирование конфликтов, анализ соглашений

The system of decision making is the core of the field of politics. Accepted decisions are significant and obligatory for all. At the same time the process of political decision making goes side by side with the conflict management. And the most fundamental of such mechanisms is the mechanism of the social contract which determines principles and procedures for individuals and groups to coordinate their interests and make decisions on socially important problems. The social contract, as it is perceived by actors, determines their attitude towards both the conflict and the methods of prevention of its most destructive consequences. That is why the phenomenon of social contract is a valuable subject for conflict studies.

Keywords: social action, social contract, conflict management, analysis of conventions

Конфликтологический подход заставляет нас вновь обратиться к абстракциям ключам. Конфликт – это всегда результат взаимодействия конкретных людей. В данной статье мы рассмотрим, как происходит транзит от индивидуального действия к социальному, как в результате этого возникают устойчивые социальные и политические институты. Таким способом мы очертим поле политического. Затем найдем в этом поле место феномену конфликта, равно как и специфическим механизмам его регулирования.

Сталкиваясь с вызовами природы и

социального окружения, а также реализуя внутреннюю потребность в самореализации, человек с неизбежностью переходит от индивидуального действия к коллективному. Данный тезис требует доказательства. Единицей изучения в социологии является индивид – человек как особь *homo sapiens* и носитель демографических характеристик. К числу последних относят пол, возраст, семейное положение, место жительства и уровень образования. Индивидуальность формируется поверх социального контекста и не охватывается демографией. Личность, наконец, определяется как

высшая форма раскрытия специфически человеческих качеств в предметной деятельности, коммуникации и социальном взаимодействии [Новейший философский словарь 1998: 369]. Таким образом, деятельность личности – это всегда коллективное действие (поскольку оно всегда ориентировано вовне и даже в предельном случае вовлекает других как аудиторию). Коллективное действие может приобретать значение в масштабах крупных социальных групп и затрагивать вопросы жизнедеятельности этих групп. В этом случае имеет смысл говорить уже не просто о коллективном, но о социальном действии. Макс Вебер называет социальным любое действие, «которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [Вебер 1990: 602].

Социальное действие воспроизводится и координируется. Воспроизводящееся социальное действие формирует специфический социальный институт (в самом широком смысле), а в результате – и всю совокупность институтов. Координация социального действия поднимает проблему принятия решений, имеющих общезначимый и общеобязательный характер. Деятельность по выработке и принятию таких решений мы можем назвать политической. Институты, связанные с принятием таких решений, – это, соответственно, политические институты. Множество политических институтов, обладающих наиболее устойчивой характеристикой воспроизводства, складываются в единую структуру – государство.

Понятие политического, политики может быть интерпретировано в двух различных смыслах (например, в английском языке, в отличие от русского, эти смыслы дифференцированы). Политика как сфера борьбы за власть, партийного и идеологического противоборства, а также область знания, изучающая политику в таком понимании, обозначается словом *politics*. В то же время деятельность по управлению той или иной системой посредством введения и изменения ее правил обозначается словом *policy*. Например, понятие *security policy* (политика безопасности) относится к управлению компьютер-

ными или корпоративными системами и несет в себе все черты, которые характеризуют любую политику в этом специфическом, широком смысле. Говоря о политике, мы оперируем этим понятием именно в значении *policy*. Политика – это деятельность по эвристической выработке и принятию общезначимых и общеобязательных решений в условиях дефицита времени и информации.

Отметим, что деятельность по принятию решений в данном случае рассматривается не как множество дискретных актов нормотворчества (как то принятие закона в нескольких чтениях или подписание конкретного распоряжения), но как непрерывный процесс регулирования социальной системы. Такие феномены, традиционно относящиеся к сфере политики, как экспертиза законов, лоббирование, парламентская борьба, электоральная активность и многие другие, остаются составной частью такого регулирования.

Неотъемлемой характеристикой коллективного и социального действия является их конфликтность. В случае с социальным действием, имеющим большие масштабы и значение, конфликт приобретает сложные, институциональные черты – он становится частью поля политического. Существует множество объяснений имманентной конфликтности, присущей человеческому взаимодействию. Георг Зиммель объясняет ее «априорным инстинктом борьбы» [Зиммель 1994: 114] – фундаментальной враждебностью и стремлением самоутвердиться, с которыми человек реагирует на любое самовыражение со стороны другого, даже если оно не несет в себе угрозу. Эрих Фромм ставит под сомнение естественность специфических для человека форм агрессии, подтверждая идею Зиммеля о том, что конфликтность в своем детерминизме выходит за пределы животного инстинкта защиты [Фромм 1994: 23]. Конфликт – исключительно человеческий, социальный феномен.

Джон Ролз уже с позиции социальной философии говорит об индивидуальных жизненных планах, несовпадении которых неизбежно оставляет пространство для конфликта, который соседствует с любыми формами взаимовыгодного сотрудничества [Rawls 1999: 110].

Экзистенциалист Сартр рассуждает сходным с Зиммелем образом — он подчеркивает неразрывную связь феноменов субъектности и конфликтности. Человек утверждает себя в качестве субъекта только противопоставляя себя другому, поглощая его свободу [Сартр 1988: 208]. В этой оппозиции людей друг другу формируется их самость. Разница в подходах двух авторов состоит в том, что для Сартра конфликтность не столько что-то первичное, поверх чего вырастают цивилизованные формы, сколько существенная характеристика человеческого «я». Оппозиция другому — одна из основ нашего бытия, а не разочарывающая данность, с которой приходится мириться. Пожалуй, несмотря на метафоричность используемого автором языка, именно подход Жан-Поля Сартра позволяет объяснить имманентность конфликта достаточно фундаментально и в то же время безоценочно.

Как бы то ни было, конфликт неизбежен — и с той же неизбежностью должен регулироваться в масштабах общества с целью обеспечения его интеграции, целостности. Политика с очевидностью вынуждена выполнять эту функцию, поскольку решения, имеющие общественную значимость и обязательные для всех, требуют согласования множества противоречивых интересов. Устойчиво воспроизводящиеся политические институты представляют собой различные механизмы для регулирования имманентных социальных конфликтов. Вопрос заключается в том, «почему в процессе трансформации российского общества не произошло движения от “токсичных” видов социальных конфликтов, не поддающихся институционализации и несущих угрозу существованию общества, в сторону по преимуществу “позитивных” (не приводящих к разрушению социума) механизмов социальной динамики: неконфликтных изменений и конфликтов, поддающихся институционализации и составляющих тот политико-социальный континуум, в котором могут развиваться и консолидироваться демократические модернизационные процессы?» [Алейников 2013: 94].

Таким образом, совокупность основных механизмов регулирования, имеющих всеобъемлющее значение, мы

можем отождествить с феноменом общественного договора. Общественный договор определяет базовые границы и характеристики социального действия и фундаментальные принципы согласования противоречивых, конфликтных интересов. Можно утверждать, что общественный договор в его современном понимании является важнейшим политическим механизмом регулирования конфликтов. Даже властные отношения возникают уже на основании того или иного (чаще — имплицитного) общественного договора, поскольку власть предполагает как способность отдавать команды, так и готовность им подчиняться — эти составляющие неразрывны.

Теории общественного договора имеют значимую историческую традицию, вскрывающую динамику восприятия человеком принципов свободной социальной самоорганизации. В современном виде концепция общественного договора существует как часть множества более обширных социально-политических и социально-философских теорий как левого, так и правого толка. По существу, концепция общественного договора стала «общим местом» в научном мире — мире, усвоившем за три века политический язык классического либерализма Вольтера, Канта и Милля. В значимой работе Джона Ролза «Теория справедливости» изложена одна из современных и наиболее удачных трактовок этой концепции.

Общественный договор, согласно ролзианской парадигме, выступает механизмом регулирования имманентного конфликта интересов, возникающего при распределении результатов человеческой кооперации [Rawls 1999: 109]. Успешное регулирование конфликта по специфическим правилам порождает справедливый социальный порядок. Общественный договор, определяющий эти правила, непрерывно воспроизводится социальными акторами — как явно, так и имплицитно. Ролз указывает на то, что если бы фундаментальные отношения акторов не содержали элементы конфликтности, понятие справедливости не имело бы смысла. «Справедливость есть позитивное качество таких видов деятельности, в которых присутствуют конкурирую-

шие интересы и в которых люди считают себя вправе отстаивать свои права друг по отношению к другу. В сообществе святых, разделяющих общий идеал, если бы такое сообщество могло существовать, споры о справедливости не велись бы» [Rawls 1999: 112]. Таким образом, подчеркивается неразрывная связь таких феноменов, как «конфликт», «кооперация» и «взаимозависимость» — это роднит ролзианскую парадигму с конфликтологической.

Общественный договор задает принципы и процедуры принятия общезначимых и общеобязательных решений, а также затрагивает содержание этих решений. Общественный договор — особый механизм из сферы политического. Для Джона Ролза ведущим принципом, который должен внедряться в политическую жизнь посредством общественного договора, является принцип компенсации неравенств (потому его автора и называют либеральным эгалитаристом). Компенсация включает в себя как обеспечение равенства прав для представителей различных социальных страт, так и распределение обязанностей и политической ответственности между группами пропорционально их возможностям.

Отметим, что актуальное содержание общественного договора может и будет отличаться от такового в описании любого социально-политического философа — как из лагеря эгалитаристов, так и из числа их оппонентов. Реальность всегда многограннее теории, а также в огромной степени детерминируется конкретным культурно-историческим контекстом.

Любое политическое решение в сфере управления обществом является формой договоренности (в частности, фундаментальной договоренности масс и элит). Таким образом, в объем понятия общественного договора может быть включено крайне обширное множество формальных и неформальных норм, возникающих в результате согласования различных интересов. В структуре общественного договора, однако, мы можем выделить две различные части. С одной стороны, он определяет принципы принятия политических решений, формирует процедуры для этого. С другой — он сам является производным от полити-

ческого процесса (процесса принятия решений), поскольку постоянно пополняемая и изменяемая нормативная база может трактоваться как часть подвижного, воспроизводящегося общественного договора. Нетрудно заметить, что политика в целом как деятельность по принятию решений и регулированию конфликтов и общественный договор как своеобразный политический механизм связаны отношением взаимозависимости. Причем взаимозависимости не только структурной, но и процессуальной, поскольку выступают этапами одного и того же процесса-цикла.

Чтобы проследить специфику общественного договора как политического механизма регулирования конфликтов, выделим одну черту, общую для всех феноменов сферы политического. Политика всегда является областью пересечения реальности и декларации — того, что составляет дух и широкий, противоречивый социальный контекст нормы, и того, что записывается в ее букве и выносится на публичное обозрение. Экономисты институциональной школы (Оливер Уильямсон, Дуглас Норт, Джеймс Бьюкенен, Александр Аузан и др.) указывают на необходимость исследовать реальность политических решений, их действительное содержание и экономический эффект, а не декларативную составляющую. С точки зрения конфликтологии обе составляющие важны, поскольку область их несовпадения и становится пространством конфликта.

На наш взгляд, любой социально адаптивный субъект способен схватывать реальность политических решений и следовать ей, и именно это делает его членом общества. В этом смысле выражение: «в стране не соблюдаются законы» теряет смысл, поскольку люди в своем поведении ориентируются не на букву, а на дух той или иной нормы и возникающую из этого духа реальную социальную практику. Именно поэтому мы можем говорить о том, что политика (реальная политика) касается принятия решений, значимых и обязательных для всех. Впрочем, в целях работы с социальными конфликтами нам следует разделять пласты реальности, декларации и пересечения первого и второго в сознании каждого из акторов.

Рассматривая соглашения как фундаментальные социальные скрепы и механизм регулирования конфликтов (а общественный договор – как базовый механизм), мы можем сказать, что активное и агрессивное конфликтное поведение свидетельствует о дисфункции соглашений. Метод, позволяющий выявлять причины этой дисфункции и работать с ними, можно назвать анализом соглашений, или конвенциональным анализом. Реальный договор возникает на пересечении четырех

феноменов: политических деклараций, нормативно-правовой базы, множества внешних ситуативных факторов и имплицитной политико-правовой культуры. Конфликт активно проявляет себя в тот момент, когда в этой устоявшейся структуре возникают непредвиденные изменения (а они неизбежно возникают). В этом случае с целью регулирования конфликта должно быть принято новое решение, заключено новое соглашение, т.е. оказываются вновь востребованными политические механизмы.

Литература

Алейников А.В. 2013. Системные конфликты в России: концептуальные основания анализа. Статья 1. – *НВ: Проблемы общества и политики*, № 7. С. 94-140. Доступ: http://e-notabene.ru/pr/article_2306.html

Вебер М. 1990. Основные социологические понятия. – *Избранные произведения* (сост. Ю.Н. Давыдов, предисл. П.П. Гайденко). М.: Прогресс. С. 602-643.

Зиммель Г. 1994. Человек как враг. – *Социологический журнал*, № 2. С. 114-119.

Новейший философский словарь (сост. А.А. Грицанов). 1998. Мн.: Изд. В.М. Скакун, 896 с.

Сартр Ж.-П. 1988. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм. – *Проблема человека в западной философии* (сост. П.С. Гуревич, под ред. Ю.Н. Попова). М.: Прогресс. С. 207-228.

Фромм Э. 1994. *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика, 447 с.

Rawls J. 1999. *A Theory of Justice*. Revised ed. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 538 p.

УДК 0_008

МАКАРОВ Денис Владимирович –

доктор культурологии, профессор кафедры философии Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова

432700, Россия, г. Ульяновск пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, 4.

mkrvdv@gmail.com

ДЕМЬЯНЕНКО Анна Александровна –

аспирант кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета

им. И.Н. Ульянова

shastje@list.ru

ПРОГРАММЫ «КУЛЬТУРНЫЕ СТОЛИЦЫ СНГ» И «КУЛЬТУРНЫЕ СТОЛИЦЫ ЕВРОПЫ»

THE PROGRAMS «CULTURAL CAPITAL OF THE CIS» AND «CULTURAL CAPITALS OF EUROPE»

В статье идет речь об основных направлениях программ «Культурные столицы СНГ» и «Культурные столицы Европы», об их сходстве и различиях на международном уровне. Приводится анализ роли России в